

О МЕТАКОММУНИКАЦИИ В ТЕКСТЕ ПСАЛТИРИ

В когнитивно-прагматической парадигме исследований последнего времени все большее внимание уделяется проблеме метакоммуникации. Как представляется, эта проблема может рассматриваться в различных ракурсах. Один из ракурсов понимания данного явления предполагает его рассмотрение как части «общения, которая направлена на самое себя, на общение в целом и его различные аспекты: языковую ткань дискурса, его стратегическую динамику, структуру обменов и трансакций — фаз интеракции, мену коммуникативных ролей, представление тем, взаимодействие с контекстом, регуляцию межличностных и социальных аспектов взаимодействия, нормы общения, процессы обмена информацией и ее интерпретации, эффективность канала коммуникации» [2, с. 198]. Таким образом, метакоммуникация вплетается в сам коммуникационный процесс, высказывания участников коммуникационного акта сами по себе содержат оценку коммуникационного процесса. В частности, по мнению Р.О.Якобсона, это происходит в случае, когда «возникает сомнение в том, что оба собеседника используют один и тот же код, или появляется желание выяснить, насколько хорошо высказывания одного из говорящих понимаются другим говорящим» [3, с. 23].

Как представляется, рассмотрение данной проблемы актуально не только для анализа современного речевого общения, но и для изучения древних сакральных текстов. Высказывалось мнение, согласно которому изучение таких, например, религиозных ритуалов возможно в случае, когда метакоммуникация понимается широко и часть вербально-культурного поведения человека [4, с. 146]. Тогда подобные ритуалы «несут в себе еще и метакоммуникативный план, включающий в себя интерпретацию данного культурного явления и отнесение его (reference) к определенному культурному коду (элементы которого довольно абстрактны и невербализированы), принятому в данном обществе, и набор метакоммуникативных средств для этого» [4, с. 146]. Однако, если речь идет не о ритуалах, а непосредственно о религиозных текстах, возможен и суженный, чисто лингвистический подход к анализу их метакоммуникативной составляющей, с учетом, безусловно, специфики мышления, языка и эстетико-литературных норм того времени.

Примером подобного анализа может быть рассмотрение метакоммуникационных составляющих в тексте Псалтири. Эта великая книга представляет наиболее подходящий для предварительного рассмотрения материал хотя бы потому, что ее тексты не являются описанием событий, они представляют собой сообщения, передаваемые в процессе речевых актов, в которых в зависимости от типов псалмов выступают различные участники.

Существуют различные определения видов псалмов (см., например, 5, с. 466–485), однако практически все исследователи в качестве одного из основных и наиболее распространенных называют *хваления*, прославляющие

единого Бога. Элементы восхвалений можно также обнаружить и в других псалмах, не относящихся непосредственно к указанному виду.

Восхваление Творца может быть выражено через перечисление божественных достоинств и милости, оказанной богоизбранному народу, ср.:

Восплещите руками все народы, воскликните Богу гласом радости; ибо Господь Всевышний страшен, — великий Царь над всею землею; покори́л нам народы и племена под ноги наши; избрал нам наследие наше, красу Иакова, которого возлюбил (Пс. 46, 2-5).

Однако непосредственных обращений к Господу со словами славы или хвалы немного. Вот некоторые из этих немногочисленных примеров:

Господи, Боже наш! как величественно имя Твое по всей земле! Слава Твоя простирается превыше небес! (Пс. 8, 2);

Будь превознесен выше небес, Боже, и над всею землею да будет слава Твоя! (Пс. 56, 6);

Тебе, Боже, принадлежит хвала на Сионе, и Тебе воздастся обет [в Иерусалиме] (Пс. 64, 2);

О, Господи! я раб Твой, я раб Твой и сын рабы Твоей; Ты разрешил узы мои. Тебе принесу жертву хвалы, и имя Господне призову (Пс. 115, 7-8).

Гораздо чаще в тексте Псалтири слава Господу выражается в метаязыковых фрагментах, которые лишь описывают собственно коммуникативный акт прославления. Предикатами подобных фрагментов являются глаголы *славить*, *хвалить*, *петь* и их производные. При этом сама предикация, т.е. соотнесение высказывания и действительности, представляется исключительно разнообразной.

Это может быть описание автором псалма своих речевых действий (*Слаблю Господа по правде Его и пою имени Господа Всевышнего (Пс. 7, 18)*), часто в форме метонимического переноса (*И язык мой будет проповедывать правду Твою и хвалу Твою всякий день (Пс. 34, 28)*, и *вложил в уста мои новую песнь — хвалу Богу нашему (Пс. 39, 4)*); своих намерений (*Буду славить [Тебя], Господи, всем сердцем моим, возвещать все чудеса Твои. Буду радоваться и торжествовать о Тебе, петь имени Твоему, Всевышний (Пс. 9, 2-3)*) и намерений верующих, к которым он себя причисляет (*Вознесись, Господи, силою Твоею: мы будем воспевать и прославлять Твое могущество (Пс. 20, 14)*); призыв к верующим в форме непосредственного обращения (*Боящиеся Господа! восхвалите Его. Все семя Иакова! прославь Его. Да благоговеет пред Ним все семя Израиля (Пс. 21, 24)*) и обращения опосредованного (*Вся земля да поклонится Тебе и поет Тебе, да поет имени Твоему, [Вышний]! (Пс. 65, 4)*) (ср. также в форме страдательного залога — *Будь превознесен выше небес, Боже, и над всею землею да будет слава Твоя! (Пс. 56, 12)*); призыв не к верующим (*Пойте Господу, святые Его, славьте память святыни Его (Пс. 29, 5)*), *Царства земные! пойте Богу, воспевайте Господа (Пс. 67, 33)*); описание реальной по характеру предикативного представления ситуации, в которой реализуется подобное речевое действие (*Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь (Пс.*

18, 2); *О Тебе хвала моя в собрании великом; воздам обеты мои пред боящимися Его* (Пс. 21, 26); *Тебе, Боже, принадлежит хвала на Сионе, и Тебе воздастся обет [в Иерусалиме]* (Пс. 64, 2)); описание возможной и желаемой ситуации (*Тогда вознеслась бы голова моя над врагами, окружающими меня; и я принес бы в Его скинии жертвы славословия, стал бы петь и воспевать пред Господом* (Пс. 26, 6)). Идея хвалы может содержаться также в названии псалма: *Хвалебная песнь Давида* (Пс. 90 и др.); *Псалом [Давида] хвалебный* (Пс. 99).

Весь текст Псалтири пронизан подобными метатекстовыми фрагментами, которые практически заменяют сам речевой акт восхваления. Как представляется, это приводит к следующему. Названные глаголы не являются перформативами (см., например, 1, с. 201–202), кроме глагола *хвалить*, да и то последний перформативен только в своем современном значении ‘высказывать одобрение’, в то время как в Псалтири он употребляется в древнем значении ‘хвалить, восхвалять, славить, прославлять’ (ср. семантику *хвалити* в старославянском языке (Старославянский словарь 1994, 760)). Однако, являясь полномочными представителями соответствующих речевых актов, названные метакоммуникативные глаголы, по сути, становятся перфоративными, они замещают соответствующие речевые действия.

Еще один глагол, употребляющийся в Псалтири Синодального перевода Библии в свое древнем значении, — это глагол *ругаться / поругаться*: *Живущий на небесах посмеется, Господь поругается им* (Пс. 2, 4); *Гордые крайне ругались надо мною, но я не уклонился от закона Твоего* (Пс. 118, 51). И контекст первого примера, и глагольное управление во втором указывают на действительное его значение — ‘насмехаться’ (ср. также *рэгати* (Старославянский словарь 1994, 588)). Значение же ‘высказывать порицание’ выражается иными глагольными лексемами: *обличать* (*Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня* (Пс. 6, 2)); *поносить* (*А когда я претыкался, они радовались и собирались; собирались ругатели против меня, не знаю за что, поносили и не переставали* (Пс. 34, 15)); *клясть* (*Они задумали свергнуть его с высоты, прибегли ко лжи; устами благословляют, а в сердце своем клянут* (Пс. 61, 5)); *проклинать* (*Они проклинают, а Ты благослови; они восстанут, но да будут постыжены* (Пс. 108, 28)); *хулить* (*Доколе, Боже, будет поносить враг? вечно ли будет хулить противник имя Твое?* (Пс. 73, 10)); *бесславить* (*как поносят враги Твои, Господи, как бесславят следы помазанника Твоего* (Пс. 88, 52)).

Здесь наблюдается то же самое — в тексте Псалтири практически отсутствуют собственно поношения и обличения, они заменены их метатекстовыми репрезентациями, которые, таким образом, приравниваются к речевым действиям.

Как представляется, отсутствие в тексте великой книги собственно славословий и проклятий можно объяснить следующим образом. Если в устной речи подобные тексты могут произвести на непосредственного

адресата соответствующее впечатление, то совершенно необязательно они будут аналогично воздействовать на третье лицо — слушателя или читателя текста. В этом случае, скорее, будут более действенными постоянные частые упоминания о таких речевых актах — в этом случае слушатель или читатель может сам восстановить отсутствующий текст в соответствии со своими потребностями или духом эпохи. Быть может, поэтому Псалтирь была и остается наиболее часто используемой и цитируемой, величайшей книгой Священного писания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. *Том 2*. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 767 с.
2. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с.
3. Якобсон Р. О. Избранные работы. — М.: *Прогресс*, 1985. — 460 с.
4. Скат Т. Н. Метакоммуникация в диалоге: Теоретический аспект // Структуры языкового сознания. М., 1990. С. 146-158.
5. Ла Сор У.С. и др. Обзор Ветхого Завета. — М.: Богомыслие, 1998. — 181 с.